

причинял ему страдания. Вечер закончился, мы разошлись веселые и спокойные, особенно таким казался мой дядя; наверное для того, чтобы придать нам мужества, он утверждал, что, приняв рвотное усталый, «он вострепнется молодцом» на следующее утро. 6 июля Семен уехал. Он имел разрешение пробыть у нас всего лишь несколько дней; тем более он видел, что мы успокоились насчет состояния дяди, который в это же утро принял легкое лекарство, чтобы подготовиться к своему рвотному, и не жаловался ни на какие недомогания. В этот же день после обеда мой кузен показал мне четыре прекрасных стиха, которые заканчивались так: «Il est grand[e], il est beau de faire des ingrats^{XIX}». В этот момент вошел дядя и, к моему великому удивлению, я услышала, как он наизусть читает эти самые четыре стиха. Я не могла удержаться от улыбки, потому что впервые слышала, что он декламирует французские стихи. Он сказал, что давно их знает. *«Тут очень тонкая философия»*, — он хотел нас поправить в произношении стиха, сказав: «Il est beau, il est grand[e] de faire des ingrats», — полагая, что здесь должна быть рифма. В пятницу, 7 июля, он пришел к общему завтраку, поел с большим аппетитом, но, вспомнив о своих спазмах, решил принять рвотное на другой день натошак. Тут же он велел мне взять том «Всемирного путешественника», книги, которую я называла «Вечный путешественник», так как мы прибегали к ней всегда за неимением другого чтения, и которая очень развлекала моего дядю. Мы добрались до описания Англии, где говорилось о различных обществах, которые были в Лондоне, о нравах и обычаях, о характере нации. *«Ну как же ты можешь этой книги не любить?»* — сказал он мне, — *«Сколько тут любопытного, и у кого память хороша, сколько пользы прочесть ее, но я что прочел, то забыл опять, за новое читаю»*. Дойдя до места, где говорилось об обществе толстяков, он очень развеселился. Это было братство, в которое принимали только прошедших через очень широкую дверь. *«Ну, мой друг, мой любезный Бахтин^{XX}, конечно, принят был бы в то общество»*. Он его называл «мой любезный» потому, что каждое воскресенье я приходила взять его под руку, чтобы пойти к обеду, потому что он жаловался, что его возраст и большая полнота мешали ему подойти вовремя, чтобы предложить руку мне. Наше чтение было закончено, я поднялась к себе, дядя ушел в свой кабинет. Все наши дни походили один на другой; час или два чтения утром, потом обед, потом его послеобеденный отдых, потом вновь чтение до бостона, который прерывался ужином, — и день спокойно заканчивался. Часто мой дядюшка завершал его, повторяя свои прекрасные стихи:

Блажен, кто поутру проснется
Так счастливым, как был вчера.^{XXI}